

АНАСТАСИЯ
ВЕЖИНА

Враг,
КОТОРОГО Я
ДОЛЖНА БЫЛА
РАЗОРИТЬ

18+

Анастасия Вежина

**Враг, которого я
должна была разорить**

«Автор»

2026

Вежина А.

Враг, которого я должна была разорить / А. Вежина — «Автор», 2026

— Я приехала оценить ваш... актив, — чеканю я, глядя ему прямо в глаза.
— Вам чего? — его лицо становится непроницаемым, а взгляд обжигает холодом. — Экскурсии не проводим. Я — Вероника Лебедева, лучший кризис-менеджер Москвы. Моя работа — хладнокровно ликвидировать убыточные предприятия. Новая командировка на юг казалась мне обычным делом: оценить обанкротившийся виноградник и пустить его с молотка. Но я не учла одного — его упрямого, жесткого владельца. Максим Громов не собирается отдавать землю своих предков без боя. Для него я — бездушная стерва в дорогом костюме, приехавшая все разрушить. Для меня он — неотесанный хам, который должен признать поражение. Мы должны были стать злейшими врагами. Но этот южный зной, запах виноградной лозы и один сумасшедший поцелуй в старом винном погребе меняют всё. Теперь я впервые в жизни хочу не уничтожить, а спасти. И этот виноградник, и мужчину, который сводит меня с ума...

© Вежина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Враг, которого я должна была разорить

Глава 1

Вероника

Подпись. Печать. Рукопожатие.

Очередной трупик успешно препарирован и упакован. КПЭ выполнен на сто двенадцать процентов. Клиент доволен. Директор машиностроительного завода «Прогресс» пожимает мне руку так крепко, словно я только что подарила ему новую жизнь. А я, по сути, подписала приговор трем сотням рабочих мест. Оптимизация. Реструктуризация. Красивые слова для уродливых процессов.

— Вероника Сергеевна, вы волшебница! — Игорь Семенович сияет, как именинник. — Без вас мы бы точно утонули.

Утонули бы. Забавно. А теперь вместо вас утонут ваши токари и сварщики. Но это уже не моя головная боль. Моя работа закончена.

— Спасибо за доверие, — отвечаю, собирая документы в кожаную папку. — Желаю успешной реализации плана.

Переговорная пустеет. Остаюсь одна среди панорамных окон сорокового этажа. Москва внизу переливается огнями, как рассыпанные драгоценности. Красиво. Дорого. Мертво.

Достаю телефон. Семнадцать пропущенных. Игорь Львович, мой шеф, вероятно, уже знает о результатах. Еще четыре звонка от Марка. Мой... как его теперь называть? Любовник? Бойфренд? Функция «плюс один» на корпоративах?

Набираю Марка. Отвечает на первом гудке.

— Ника! Наконец-то. Я волновался, ты пропала.

— Работаю, — коротко бросаю, подходя к окну. — Что-то случилось?

— Да нет, просто... Слушай, может, встретимся? У меня есть предложение.

Предложение. Опять. В последнее время он стал намекать на что-то серьезное. Съемная квартира, совместный отпуск, знакомство с родителями. Стандартный алгоритм построения отношений, расписанный в женских журналах.

— Марк, я устала. Можем отложить?

— Но Ника...

— Отложить, — повторяю тверже. В его голосе слышится знакомая обида. Еще одна переменная, требующая управления. — Позвоню завтра.

Сбрасываю вызов. В отражении стекла вижу себя: идеальная прическа, безупречный макияж, костюм за полторы сотни тысяч. Все на месте. Все правильно. Все мертво.

Лифт мягко доставляет меня в подземный паркинг. Мой BMW ждет в VIP-секции. Включаю зажигание, и салон наполняется звуками классической музыки. Что-то печальное. Подходящее.

Домой. В мою стерильную квартиру в «Москва-Сити», где дизайнер постарался создать «уют», но получилась дорогая гостиничная безликость.

Двадцать минут пути. Консьерж приветствует меня профессиональной улыбкой. Лифт поднимает на тридцать второй этаж. Ключ поворачивается в замке с мягким щелчком.

Тишина. Идеальная, гнетущая тишина.

Скидываю туфли. Босые ноги по холодному мрамору пола. Прохожу в гостиную, открываю бар. Коньяк. «Hennessy Paradis». Подарок от благодарного клиента. Наливаю щедро.

Первый глоток обжигает горло. Хорошо. Хотя что-то настоящее сегодня.

Опускаюсь в кресло лицом к окну. Москва сияет, живет, дышит где-то там, внизу. А я здесь, в своей башне из стекла и бетона. Принцесса в замке, которая сама себя заперла.

Коньяк согревает изнутри, но не убирает привкуса пепла во рту. Этот вкус преследует меня последние месяцы. Вкус выгоревшей жизни. Вкус успеха, который больше не радует.

Звонит телефон. Игорь Львович. Мой шеф и ментор, человек, который сделал из меня машину по зачистке бизнес-проблем.

— Ника, поздравляю! — его голос бодрый, довольный. — «Прогресс» в восторге. Ты превзошла себя.

— Спасибо.

— Но ты звучишь уставшей. Знаешь что? У меня есть для тебя подарок. Отдых, смена обстановки.

Отдых. Интересно. Игорь Львович не славится щедростью на отпуска.

— Слушаю.

— Небольшое задание на юге. Семейная винодельня, полный банкрот. Нужно оценить активы, подготовить к продаже. Неделя-другая на свежем воздухе, вдали от московской суеты. Считай это оплачиваемым отпуском.

Винодельня. Звучит... архаично.

— А почему я? У нас есть агро-специалисты.

— Потому что ты лучшая, Ника. И потому что мне нужен свежий взгляд. Эти семейные бизнесы бывают... эмоционально сложными. Нужен человек, который не будет размазывать сопли, а сделает работу четко и быстро.

Размазывать сопли. Красочно. Значит, там будут слезы. Традиционная реакция на оптимизацию семейного бизнеса.

— Где именно?

— Краснодарский край. Станица Ивановская. Виноградник «Громовские лозы». Завтра утром получишь полный брифинг.

— Игорь Львович, я не агроном. Я не разбираюсь в виноделии.

— Ты — ликвидатор, Ника. Ликвидируй.

Короткие гудки. Разговор окончен.

Ликвидатор. Да, это точно описывает мою функцию. Я прихожу к умирающим компаниям и ускоряю процесс. Безболезненно. Эффективно.

Делаю еще глоток коньяка. Краснодарский край. Виноградник. Даже звучит как декорации для туристических брошюр. Наверняка там все будет покрыто пылью и патриархальной неэффективностью.

«Громовские лозы». Громкое название для того, что, скорее всего, представляет собой несколько гектаров заросшей земли и полуразвалившуюся винодельню.

Встаю, прохожу к рабочему столу. Включаю ноутбук. Пока система загружается, открываю еще одну бутылку. Не коньяк — вино. Французское. Дорогое. Правильное.

Первый глоток, и я морщусь. Слишком сухое. Или я просто разучилась различать оттенки вкуса? Последние годы все кажется одинаковым. Еда, вино, мужчины, работа. Одна серая масса.

Ноутбук ожил. Быстрый поиск в интернете по ключевым словам. «Громовские лозы» дают мало результатов. Пара упоминаний в региональных новостях о винодельческих традициях края. Один материал трехлетней давности в «Гастрономической России» с красивыми фотографиями виноградников на закате.

Романтично. Непрактично.

Открываю корпоративную базу данных. Вбиваю название. Получаю сухой отчет:

«ООО „Громовские лозы“. Основано в 1998 году. Директор — Громов Максим Андреевич. Основная деятельность — производство вина. Площадь виноградника — 15 га. Среднегодовая выручка снижается. Задолженность перед банками — критическая. Прогноз — банкротство в течение 6 месяцев».

Стандартная картина. Семейный бизнес, который не смог адаптироваться к современным реалиям. Сентиментальные владельцы, которые держатся за прошлое вместо того, чтобы принимать рациональные решения.

Закрываю ноутбук. Завтра получу подробное досье.

Поднимаюсь в спальню. Снимаю костюм, вешаю в гардеробную. В зеркале отражается тело, которое я поддерживаю в идеальной форме: спортзал три раза в неделю, персональный тренер, правильное питание. Еще одна задача в списке ежедневных KPI.

Принимаю душ. Горячая вода смывает день, но не смывает усталость. Она въелась глубже, чем можно отмыть.

Ложусь в постель. За окном город продолжает жить. Где-то гудят машины, где-то кто-то влюбляется, где-то кто-то плачет. А я лежу в своей стерильной капсуле и чувствую себя мертвой.

Телефон на тумбочке мигает уведомлениями. Три сообщения от Марка. Читать не хочется. Завтра разберусь. Как и с винодельней. Как и с остальной жизнью.

Закрываю глаза. В темноте всплывают образы: рукопожатие благодарного директора, которого я только что обанкротила; лица уволенных рабочих, которых я никогда не увижу; запущенный виноградник, который мне предстоит превратить в цифры в отчете.

Обычный день. Обычные задачи.

И все же перед сном мелькает нелепая мысль: завтра все изменится. Может, дело в коньяке.

Засыпаю под шум ночного города, в объятиях идеальной, пустой жизни.

Утро. Будильник в семь ноль-ноль. Автоматически тянусь к телефону, проверяю сообщения. Марк прислал длинную эсэмску о том, как скучает и хочет поговорить о будущем. Удаляю, не дочитав.

Завтрак — овсянка с ягодами, зеленый чай. Программа «Здоровое питание» от корпоративного диетолога. Эффективно. Безвкусно.

В офис добираюсь к девяти. Игорь Львович уже ждет меня с толстой папкой.

— Доброе утро, наша звезда! — он выглядит довольным жизнью. — Готова к новому вызову?

— Всегда готова, — отвечаю, принимая папку. Тяжелая. Значит, дело серьезнее, чем показалось вчера.

— Садись, разберем детали.

Его кабинет — воплощение успеха. Панорамные окна, дорогая мебель, стены завешаны дипломами и фотографиями с влиятельными людьми. Я часто думаю, хочу ли я такой же кабинет через десять лет.

— Ситуация интересная, — начинает Игорь Львович, открывая идентичную папку. — Банк готов продать долг с дисконтом. Но есть нюансы.

Нюансы. В нашем деле это слово обычно означает проблемы.

— Какие именно?

— Семейный бизнес в третьем поколении. Текущий владелец — Максим Громов. Упрямец, отказывается от всех предложений о продаже. Считает, что сможет выкарабкаться.

— Стандартная ситуация отрицания, — комментирую, листая документы. — Сколько времени на решение?

— Вот тут интересно. Банк дает две недели. Либо полное погашение долга, либо принудительная продажа с торгов.

Две недели. Сжатые сроки. Мне нравится.

— Хорошо. Вылетаю сегодня?

— Завтра утром. И Ника... — он наклоняется вперед, его взгляд становится серьезным. — Этот проект особенный. Если справишься, могу обещать должность вице-президента.

Вице-президент. То, к чему я шла последние пять лет. Вершина корпоративной пирамиды. Все, чего я хотела.

Так почему внутри не звучат фанфары?

— Понятно. Справлюсь.

— Знаю. Поэтому и выбрал тебя.

Возвращаюсь к себе в кабинет. Раскладываю документы на столе. Фотографии виноградника. С высоты птичьего полета выглядит довольно живописно: ровные ряды лозы, старый дом, окруженный деревьями, небольшое здание винодельни.

Красиво. Нерентабельно.

Листаю финансовые отчеты. Картина печальная: выручка падает третий год подряд, затраты растут, кредитная нагрузка критическая. Классический case study провала семейного бизнеса.

Максим Громов. Тридцать шесть лет. Образование — агрономический институт. Женат не был. Детей нет. Унаследовал бизнес от отца пять лет назад.

Типичный портрет. Романтик, который верит в силу традиций и качество продукта больше, чем в рыночные реалии. Такие всегда сопротивляются дольше всех, но сдаются эффективнее.

Открываю ноутбук, начинаю готовить презентацию. Стандартные слайды: анализ рынка, сравнение с конкурентами, прогноз развития, рекомендации по оптимизации. Через два часа имею готовый инструмент убеждения.

Обеденный перерыв трачу на звонки. Авиабилеты — завтра утром рейс до Краснодара. Отель — что-то приличное в центре города, если придется ночевать в городе. Трансфер до виноградника — заказать заранее, на случай если дороги окажутся не самыми лучшими.

Марк звонит в третий раз за день. Решаю ответить.

— Привет, — его голос осторожный, ранимый. — Ты меня избегаешь?

— Нет, просто много работы. Завтра улетаю в командировку.

— Надолго?

— Неделя, может, две.

Пауза. Слышно, как он соображает, стоит ли сейчас начинать серьезный разговор.

— Ника, нам надо поговорить. Когда вернешься.

— Хорошо, поговорим.

— Я имею в виду серьезно поговорить. О нас. О будущем.

Будущее. С ним. Квартира побольше, совместный кредит, свадьба, дети, дача, собака. Стандартный набор «семейного счастья», который предлагают все мужчины в определенном возрасте.

— Хорошо, Марк. Серьезно поговорим.

— Я люблю тебя, — выпаливает он, как будто боится, что не успеет сказать.

Я люблю тебя. Простые слова, которые должны что-то значить. Раньше значили. Когда-то давно, в другой жизни.

— И я тебя, — отвечаю автоматически. Ложь. Или правда. Уже не разбираю.

После разговора сижу в кресле и смотрю на город за окном. Что я чувствую к Марку? Привычку? Удобство? Он хороший человек. Надежный. Предсказуемый. Мы подходим друг другу по всем социальным параметрам.

Но когда он говорит о любви, внутри меня остается тишина.

Возвращаюсь к документам по винограднику. Читаю историю семьи Громовых. Дед основал дело в послевоенные годы. Отец развивал, участвовал в винных конкурсах, получал награды. Сын пытается сохранить наследие в условиях современного рынка.

Красивая история. Обреченная история.

К шести вечера заканчиваю подготовку. Завтра с утра — новый проект. Новые люди, которые будут ненавидеть меня за то, что я делаю. Новые жизни, которые я разрушу во имя экономической эффективности.

Еду домой. Пакую чемодан — деловые костюмы, удобную обувь, ноутбук, документы. В последний момент добавляю джинсы и кроссовки. На всякий случай.

Ужинаю одна. Заказываю суши, включаю новости. В мире происходят события: войны, политические скандалы, экономические кризисы. Жизнь продолжается, а я наблюдаю за ней с безопасного расстояния своей башни.

Перед сном еще раз просматриваю материалы. Максим Громов смотрит на меня с фотографии в досье. Лицо усталое, решительное. Глаза... в них что-то есть. Что-то, что не умещается в рамки стандартного портрета неудачливого предпринимателя.

Закрываю папку. Завтра увижу его живьем. И покажу ему, как выглядит конец семейной мечты.

Самолет набирает высоту. Москва уменьшается внизу, превращаясь в игрушечный город. Я лечу навстречу новому заданию, новому вызову.

А внутри тоскливо шепчет голос: «А что, если на этот раз все будет по-другому?»

Глупости. Ничего не будет по-другому. Я приеду, проведу анализ, представлю факты, приму решение. Еще один пункт в резюме, еще одна ступенька к вице-президентскому креслу.

«Громовские лозы» — всего лишь очередная задача. А Максим Громов — очередной романтик, который не понимает законов современного бизнеса.

Через два часа я буду там. И тогда все начнется.

Я открываю папку с документами и погружаюсь в цифры. Цифры не лгут. Цифры не предают. Цифры — это единственное, чему можно доверять.

Самолет летит на юг, унося меня от привычной жизни навстречу чему-то неизвестному.

И в глубине души, где-то под слоями профессиональной брони, крошечная искорка надежды робко мерцает: «А что, если на этот раз действительно все будет по-другому?»

Глава 2

Максим

Встаю в шесть. Как всегда. Будильник не нужен — тело само знает время. За тридцать шесть лет жизни этот ритм вьелся в кости.

Быстро натягиваю вчерашние джинсы и рабочую майку, пропахшую землей и потом. Беру секатор из тумбочки — дедовский, еще советский, но лезвие острое как бритва. Иду к винограднику. Там мое место. Там я хозяин.

Выхожу во двор, и утренний воздух обнимает лицо прохладой. Пахнет росой, влажной землей и чем-то зеленым, живым — запахом, который нельзя купить ни в одном городе. Дышится легко, полной грудью. Здесь я живу по-настоящему, а не просто выживаю в городской суете.

Иду по знакомой тропинке к старому винограднику. Под ногами мягко пружинит земля, еще влажная от ночной росы. Где-то вдалеке кричит петух, в траве шуршит какая-то живность. Мир просыпается неторопливо, по своим законам, а не по будильнику.

Подхожу к любимому кусту. Каберне совиньон, больше пятидесяти лет. Дед сажал своими руками. Помню, как он рассказывал мне, пятилетнему: «Максимка, смотри, как я ямку копаю. Не глубоко, но и не мелко. Корням дышать надо, но и крепко держаться за землю.»

Дед умер, когда мне было двенадцать. Но его слова помню до сих пор.

Трогаю ствол лозы. Кора шершавая, покрытая морщинами времени. Теплая от солнечного света, который она копила десятилетиями. Под рукой чувствую, как течет сок — медленно, но непрерывно. Жизнь, которая не останавливается ни на день.

Эта лоза видела три поколения Громовых. И всех переживет, если я не дам ее в обиду.

Достаю секатор. Металл холодный, знакомый. Начинаю работать. Срезаю лишние побеги — те, что тянут соки впустую. Щелк — и ненужная веточка падает на землю. Звук четкий, решительный. Каждый срез — это решение. Каждый выбор — это ответственность.

Подвязываю молодые ветки к шпалере. Руки делают все сами, без участия головы. Тридцать лет работы на земле — это больше чем опыт. Это инстинкт.

Мозоли на ладонях грубые, толстые. Эти руки создают, а не разрушают. Эти руки знают цену настоящего труда.

Солнце поднимается выше, прогоняя утренние тени. Первые лучи играют на листьях винограда, превращая капли росы в крошечные бриллианты. Красота простая, настоящая. Не купленная, не поддельная.

Майка начинает прилипать к спине. Пот выступает между лопатками. Хорошо. Это честный пот от честной работы. Не от беготни по офисам, не от стресса и дедлайнов. От настоящего дела.

Отец всегда говорил: «Максим, запомни — земля не обманет. Посадишь, поливаешь, ухаживаешь — она отдаст. А люди... люди подведут. Рано или поздно, но подведут.»

Как же он был прав. Особенно про людей.

Катя... Даже сейчас, спустя десять лет, имя отзывается болью в груди. «Пахнешь навозом, — сказала она в последний день. — В городе мужчины пахнут парфюмом.» И ушла с первым же московским проходимцем в костюме.

Работаю час, переходя от куста к кусту. Проверяю каждый, как врач осматривает пациентов. Здесь подвязать, там срезать, тут разрыхлить землю. Все растет как надо. Лоза сильная, здоровая.

Если бы не долги...

Мысли сворачивают в сторону банка, и настроение мгновенно портится. Вчера опять звонили. Голос у менеджера елейный, вежливый, но за вежливостью — угроза: «Максим Андреевич, мы понимаем ваше сложное положение, но сроки подходят...»

Сроки. Две недели до принудительной продажи. Две недели, чтобы найти деньги, которых у меня нет и взять неоткуда.

Сжимаю секатор сильнее. Не сдамся. Эта земля моя. И останется моей. Дедова, отцовая, моя. Я последний из рода Громовых, и я не подведу их память.

Иду к колодцу. Опускаю ведро, поднимаю. Вода ледяная, чистая. Плещу на лицо, на шею. Холод бодрит, смывает тяжелые мысли. Пью из ладоней. Вода своя, из наших недр. Не из крана, не из бутылки — живая.

Вытираюсь краем майки и оглядываюсь вокруг. Двор, дом, виноградник, сарай. Все мое. Все, за что стоит драться до последней капли крови.

Тишина вокруг полная, правильная. Только где-то жужжит пчела, да листья шелестят от легкого ветерка.

Но вдруг что-то меняется. Не могу понять что, но чувствую спиной — воздух напрягся. Тишина стала неправильной. Тревожной.

Поворачиваюсь к дороге.

Вдалеке, у горизонта, поднимается пыльное облако. Машина. Едет быстро, слишком быстро для наших дорог.

Кто это может быть в такую рань? Соседи на работу в город не торопятся — рано еще. Да и ездят они на стареньких «Жигулях», а не на таких скоростях.

Хмурюсь. Нутром чую — беда едет.

Пыльное облако приближается, и теперь я различаю силуэт машины. Черный внедорожник. Большой, дорогой, блестящий даже сквозь дорожную пыль. Городская машина. Чужая.

В груди что-то холодное сжимается. Это не случайный путник, заблудившийся в наших краях. Кто-то едет целенаправленно. К нам.

Банк? Нет, рано еще. Налоговая? Тоже не их время. Тогда кто?

Мысли роятся в голове, каждая хуже предыдущей. Может, это те самые кредиторы, о которых соседи шепчутся? Те, кто приезжают не с бумагами, а с другими аргументами?

Внедорожник сворачивает с главной дороги, направляется прямо к нашему дому. Сомнений больше нет — едут к нам.

Мотор работает тихо, дорого. Ни один звук лишний. Техника класса люкс. У кого такие деньги на машины? У тех, кто их зарабатывает на чужих бедах.

Машина въезжает во двор и, нагло ради, останавливается точно посередине. Между домом и сараем. Как хозяин. Как будто здесь уже все ее.

Мотор смолкает. Тишина возвращается, но теперь она пропитана напряжением.

Стою и жду. Руки сами сжимаются в кулаки. Посмотрим, кто там и чего хочет от нас.

Проходит несколько секунд. Дверца открывается.

И я забываю, как дышать.

Выходит женщина. И какая женщина...

Высокая, метр семьдесят, не меньше. Стройная, но не худая — все пропорции на месте. Лет тридцать, в самом соку.

Одета как модель с обложки журнала. Темно-синий костюм, который, наверное, стоит как мой месячный доход. Ткань дорогая, благородная — видно даже издали. Крой идеальный, подчеркивает фигуру, но не вульгарно. Со вкусом.

Туфли на невысоком каблучке, но явно не для наших дорог. Кожа блестит на солнце. Сумочка в тон костюму, маленькая, аккуратная. На запястье поблескивают часы — не простые, дорогие.

Волосы темные, убраны в низкий пучок. Ни один волосок не выбился. Даже после езды по пыльным дорогам она выглядит как с картинки.

Красивая. Чертовски красивая.

И чертовски чужая.

Она делает несколько шагов, оглядываясь по сторонам. Изучает мой двор, мой дом, мои владения. Взгляд у нее цепкий, холодный. Не любит — оценивает. Смотрит на все как оценщик в ломбарде. Сколько стоит, что можно продать, что списать в утиль.

Морщится от пыли, которая осела на ее безупречный костюм. Достает из сумочки платок — белоснежный, дорогой. Промокает лоб, где выступили капельки пота. Брезгует моей землей. Воротит нос от моего мира.

Злость поднимается горячей волной от живота к горлу. Московская принцесса. Приехала в нашу глушь и показывает свое превосходство каждым движением.

Но черт возьми, как же она красива... Даже разозленный, не могу не заметить. Красота у нее какая-то холодная, недоступная. Как у статуи в музее — можно смотреть, но нельзя трогать.

Она поворачивается и ищет меня взглядом. Глаза у нее серые, светлые. Находит меня, и наши взгляды встречаются.

Смотрит прямо, не отводя глаз. Держит взгляд как равная. Наглая.

Большинство людей при виде меня сразу опускают глаза. Я большой, угрюмый, не особо разговорчивый. Людей это настораживает. А эта смотрит как на ровню.

Интересно...

Подхожу к ней медленно. Не тороплюсь. Пусть видит, что здесь я хозяин. Руки засовываю в карманы джинсов. Лицо делаю непроницаемым — этому еще в армии научился.

Останавливаюсь в паре метров. Оглядываю ее с ног до головы. Неспешно, оценивающе. Пусть почувствует себя не в своей тарелке.

Туфли на каблуке совершенно не подходят для нашей земли. Через час ходьбы по двору ноги будут болеть. Маникюр идеальный — эти руки явно не знают физической работы. Кожа белая, городская. Солнца не видела.

— Вам чего? — спрашиваю намеренно грубо. — Экскурсии не проводим.

Она выпрямляется еще больше. Подбородок поднимает. Плечи расправляет. Гордая. Не привыкла, чтобы с ней так разговаривали.

— Вероника Лебедева, — представляется четким, поставленным голосом. — Из Москвы.

Голос у нее властный, привычный командовать. Каждое слово выговаривает четко, без акцента. Образованная. Из тех, кто с детства знает, что они лучше других.

Ждет, что я скажу что-то в ответ. Может, представлюсь, приглашу в дом, предложу чай. Не дождется.

Молчу. Смотрю на нее и молчу.

Вижу, как в ее глазах мелькает раздражение. Не привыкла к такому обращению. В Москве, наверное, все перед ней пресмыкаются.

— Я приехала оценить ваш... — делает паузу, взгляд скользит по двору, останавливается на доме, на сараях, — актив.

Актив.

Это слово бьет меня как удар кувалды по голове.

Актив. Моя земля — актив. Дедова лоза — актив. Отцовы мечты — актив. Моя жизнь — актив.

Слово отзывается в голове эхом. Актив, актив, актив...

Кровь приливает к лицу горячей волной. Сердце колотится как бешеное. Руки сжимаются в кулаки так сильно, что костяшки белеют. В груди все горит — злость, обида, ненависть.

Так вот кто она. Не туристка, заблудившаяся в наших краях. Не журналистка, пишущая статью о виноделии. Ликвидатор. Оценщик. Хищник в дорогом костюме.

Пришла за моей душой.

Смотрю на нее новыми глазами — на дорогой костюм, который стоит как половина моего долга, на холодные серые глаза, в которых нет ни капли тепла, на идеальный маникюр рук, которые никогда не касались настоящей работы. Вижу врага. Красивого, опасного, смертельного врага.

Она хочет превратить мою жизнь в цифры в отчете. В строчки в таблице Excel. В графики доходности.

Перед глазами встают лица — дед, учивший меня любить землю. Отец, который отдал винограднику всю жизнь. Мать, которая до сих пор верит, что все будет хорошо.

И эта женщина хочет все это уничтожить. Одной подписью. Одним отчетом.

Молчу. Долго. Считаю до десяти, до двадцати. Не могу позволить себе сорваться. Не могу дать ей увидеть, как сильно ее слова задели.

Пусть нервничает. Пусть понимает — здесь не Москва, где все продается и покупается. Здесь мои правила.

Вижу, как напрягаются ее плечи. Как дрогнули уголки рта. Как в глазах мелькнула неуверенность. Хорошо. Пусть поймет с первых минут — со мной шутки плохи.

Медленно, демонстративно разворачиваюсь. Не говоря ни слова.

— Простите, а вы... — начинает она за спиной.

Голос чуть дрогнул. Совсем чуть-чуть, но я слышу. Не привыкла, чтобы ее игнорировали.

Не оборачиваюсь. Иду к винограднику. К своей лозе. К живому, настоящему.

За спиной слышу тишину. Она стоит посреди двора, растерянная и злая. Хорошо. Пусть поймет сразу — война началась.

Достаю секатор. Руки дрожат от ярости. Хочется что-то сломать, разбить, разрушить. Но лоза не виновата. Она пострадает из-за этой московской хищницы.

Начинаю работать. Срезаю побег. Слишком резко. Лоза вздрагивает от грубого прикосновения.

— Прости, девочка, — шепчу. — Не на тебя злюсь.

Слово «актив» крутится в голове, не дает покоя. Мой дом — актив. Моя жизнь — актив.

Чувствую ее взгляд на спине. Жжет, как огонь. Изучает меня, как я изучаю виноград перед обрезкой. Решает, что со мной делать. Как меня «оптимизировать».

Пусть смотрит. Пусть видит, что я не из тех, кто сдается без боя. Эта земля моя. Дедова. Отцовая. И я буду драться за нее до последней капли крови.

Слышу стук каблучков по бетонной дорожке. Идет к дому. К маме.

И вот тут меня накрывает новая волна злости. Сейчас мама откроет дверь, увидит красивую, усталую женщину и пригласит ее на кухню. Накормит борщом, напоит чаем с домашними пирогами. Расскажет семейные истории, покажет фотографии.

Потому что мама добрая. Потому что мама не понимает, кто к нам приехал.

А эта женщина будет сидеть за нашим столом, есть мамину еду и планировать наше уничтожение. Будет улыбаться и кивать, а сама считать в уме — сколько стоит дом, сколько земля, сколько оборудование.

Сжимаю секатор так крепко, что металл врезается в ладонь. Больно, но эта боль ничто по сравнению с тем, что творится в душе.

Дверь дома скрипнула. Голоса. Мамин — теплый, гостеприимный: «Деточка, проходите, проходите...»

И ее — вежливый, но холодный: «Спасибо, вы очень добры...»

Вот и началось. Враг в нашем доме.

Продолжаю работать, но теперь в каждом движении злость. В каждом срезе — обещание борьбы. Руки действуют сами, а голова думает.

Война началась. Но она еще не знает, с кем связалась.

Я покажу этой московской принцессе, что такое настоящий мужчина. Что значит драться за свое. Что я не из тех, кто падает на колени и просит пощады.

Пусть она красивая. Пусть умная. Пусть у нее власть и деньги.

Но здесь моя территория. Здесь мои правила. И здесь побеждаю я.

Солнце поднимается выше. Новый день начался.

Но для меня он начался с объявления войны.

И посмотрим, кто кого.

Глава 3

Вероника

Стою посреди чужого двора и анализирую ситуацию.

Факт номер один: местный дикарь только что продемонстрировал мне высший пилотаж неуважения. Игнорирование клиента — это провал любых переговоров еще до их начала.

Факт номер два: я в ловушке. Водитель уехал, до станции двадцать километров, мобильная связь — одна полоска, если повезет.

Факт номер три: я злюсь. Очень злюсь.

Достаю ноутбук из кейса. Сажусь на край старой лавки у крыльца — единственное место, где можно открыть ноутбук в этом пыльном хаосе. Открываю файл «Громовские лозы — предварительная оценка».

Пишу: «Объект демонстрирует критическое состояние не только в финансовом, но и в управленческом аспекте. Собственник проявляет признаки неадекватного поведения и неспособности к конструктивному диалогу.»

Солнце припекает макушку. Пиджак прилипает к спине. Пыль садится на клавиатуру ноутбука. В воздухе висит запах... навоза? Seriously?

Поднимаю глаза от экрана. Что это за смрад?

Оглядываюсь и вижу: в дальнем углу двора что-то вроде хлева. От него тянет именно тем самым «ароматом». Прекрасно. Сейчас этот букет вьется в мой костюм за две тысячи евро.

Пытаюсь дышать ртом.

В Москве самый сильный запах в моем мире — это кофе из офисной машины. Здесь... здесь совсем другая планета.

Продолжаю печатать: «Санитарно-гигиенические условия объекта требуют серьезной корректировки для соответствия современным стандартам.»

Пот стекает по спине. Блузка намокла подмышками. Вообще-то у меня никогда не потеют подмышки. У меня дорогой антиперспирант и кондиционер в офисе.

А здесь... здесь я потею как обычный человек.

Неприятное открытие.

Каблуки проваливаются в землю каждый раз, когда пытаюсь сменить позу. Туфли Louboutin за восемьсот долларов не предназначены для такого грунта. Сейчас их можно будет только выбросить.

Печатаю дальше: «Инфраструктура объекта не соответствует требованиям современного бизнеса. Отсутствует базовая...»

— Деточка, да что ж ты на солнышке сидишь!

Поднимаю голову. Ко мне направляется женщина лет шестидесяти. Невысокая, полная, в цветастом платье и фартуке. Лицо круглое, добродушное. Глаза теплые, без тени той враждебности, которую я только что видела в глазах ее сына.

Это должна быть мать хама.

— Сгоришь ведь, — продолжает она, подходя ближе. — У нас солнце злое, не московское. Пойдем в дом, чаю выпьешь.

Автоматически включаю деловой режим:

— Спасибо, но я работаю. Мне нужно...

— Работать-то в тени лучше, — перебивает она мягко, но настойчиво. — И за компьютером глаза устают. Да и жарко тебе, небось. Пойдем, пойдем.

Не дожидаясь ответа, она берет меня под руку. Прикосновение неожиданно теплое, материнское. Такое... человеческое.

Когда меня в последний раз кто-то так трогал? Марк обнимает формально, как положено бойфренду. Коллеги пожимают руки. А это...

Это что-то другое.

— Тамара Петровна я, — представляется женщина. — А тебя как звать?

— Вероника Лебедева. Я представитель...

— Веронечка, — женщина произносит мое имя так, словно мы знакомы сто лет. — Красивое имя. Пойдем, пойдем в дом.

Логика подсказывает отказаться. Нужно соблюдать дистанцию. Нужно оставаться на позиции силы.

Но солнце действительно жжет. Ноутбук нагрелся и начинает тормозить. И этот запах навоза становится нестерпимым.

— На несколько минут, — соглашаюсь.

Тамара Петровна ведет меня к дому. Дом старый, деревянный, но крепкий. Краска на ставнях облупилась, но видно — за всем ухаживают. Ступеньки крыльца протерты до блеска.

Открывается дверь, и меня накрывает волной запахов.

Не духов. Не освежителя воздуха. Не кондиционера.

Пахнет... домом.

Травами, сушеными яблоками, свежим хлебом, деревом. Чем-то теплым и живым. Запахи смешиваются в один букет, который почему-то заставляет меня глубже вдохнуть.

В моей квартире пахнет дорогими свечами. Правильно. Стильно. Дорого.

А здесь... здесь пахнет так, словно в доме живут.

— Проходи, проходи, — Тамара Петровна снимает с меня пиджак, несмотря на мои протесты. — Садись за стол. Сейчас чайку поставлю.

Оглядываюсь. Кухня большая, но простая. Старый деревянный стол, обитые клеенкой стулья, печка времен СССР. На подоконниках горшки с геранью. На стенах — фотографии в простых рамках.

Все не то. Все не так, как должно быть в современном доме.

И почему-то... уютно?

Сажусь на предложенный стул. Дерево теплое, удобное. Не как мои дизайнерские стулья из хрома и кожи, красивые, но жесткие.

Тамара Петровна ставит передо мной тарелку.

— Ешь, — говорит просто.

Смотрю на содержимое тарелки и пытаюсь определить, что это.

Борщ. Густой, красный, с куском мяса и ложкой сметаны. Рядом — ломоть хлеба, еще теплый, с хрустящей корочкой.

Когда я в последний раз ела борщ? Лет десять назад? В студенческой столовой?

— Я обычно не ем...

— Ешь, ешь, — настаивает Тамара Петровна. — Видишь, какая худенькая. Одни косточки.

Худенькая? У меня идеальная фигура, поддерживаемая тренажерным залом и правильным питанием. BMI — 19,2. Процент жира — 16%. Все параметры в норме.

Но ее слова почему-то не обижают. В них нет критики. Есть... забота?

Пробую борщ.

И замираю.

Это... это невероятно. Вкус взрывается во рту десятками оттенков. Сладость свеклы, кислинка капусты, жирность бульона, острота чеснока. Все смешивается в гармонии, которую невозможно воспроизвести в ресторане.

Ем и понимаю — я забыла, что такое настоящая еда.

В моем мире еда — это топливо. Правильное соотношение белков, жиров и углеводов. Полезно, сбалансированно, безвкусно.

А это... это еда с душой.

— Вкусно? — спрашивает Тамара Петровна, садясь напротив.

— Да, — отвечаю честно. — Очень.

И тут же ловлю себя на мысли — зачем я это сказала? Нужно соблюдать дистанцию. Нужно помнить о цели визита.

— Тамара Петровна, мне нужно обсудить финансовое положение вашего хозяйства...

— А ты откуда такая красивая? — перебивает она, не реагируя на мой вопрос. — Москвичка?

— Да, но это не важно. Мне нужна информация о доходах и расходах...

— В Москве-то небось семья есть? Муж, дети?

Вопрос застаёт врасплох. Не потому что он сложный. А потому что в нем нет скрытых мотивов. Простое человеческое любопытство.

— Нет, — отвечаю. — То есть, есть... молодой человек. Но детей нет.

— А почему? — спрашивает Тамара Петровна так просто, словно интересуется погодой.

Почему? Потому что дети — это ответственность. Потому что карьера важнее. Потому что в мире корпоративных войн нет места сентиментальности.

— Работа, — говорю коротко. — Много работы.

— Работа работой, а жизнь-то одна, — Тамара Петровна качает головой. — Вот мой Максимка... тоже все работает. А годы идут.

Максимка. Она так называет того хама, который меня проигнорировал.

— Тамара Петровна, мне действительно нужно поговорить о бизнесе...

— Он хороший мальчик, — продолжает она, пропустив мои возражения мимо ушей. — Просто... трудно ему сейчас. Отца потерял пять лет назад. Все на него свалилось. Дом, хозяйство, долги...

В ее голосе слышится боль. Материнская боль за взрослого сына.

— Понимаю, — говорю дежурно. — Но факт остается фактом — предприятие убыточно...

— Предприятие, — повторяет Тамара Петровна с легкой усмешкой. — Для нас это не предприятие. Это дом. Здесь дед Максимкин корни пустил. Здесь отец его вырос. Здесь и он вырос.

Корни. Дом. Семья.

Эти слова звучат для меня как иностранный язык. В моем мире есть активы и обязательства. Доходы и расходы. Рентабельность и убытки.

А они говорят о корнях.

— Но вы же понимаете, что сентименты не отменяют экономических реалий? — пытаюсь вернуть разговор в деловое русло.

— Сентименты, — снова повторяет Тамара Петровна. — А для меня это жизнь. Вот, смотри.

Она встает, подходит к комоду, достает фотоальбом. Старый, потрепанный.

— Вот дедушка Максимкин, — показывает черно-белую фотографию. — Михаил Громов. После войны приехал, землю поднимал. Вот он первую лозу сажает.

На фотографии молодой мужчина в гимнастерке стоит рядом с маленьким саженцем. Лицо усталое, но решительное.

— А вот свадьба их с бабушкой, — следующее фото. — А вот дом строят. Сами, своими руками.

Листаю альбом и вижу историю семьи. Рождение детей. Первый урожай. Праздники. Будни. Жизнь.

— А вот мой муженек, — Тамара Петровна указывает на цветную фотографию. — Андрей Михайлович. Вот он лозу обрезает. А вот с Максимкой маленьким. Учит его, видишь?

На фото мужчина лет сорока держит за руку мальчика лет пяти. Мальчик серьезно смотрит на виноградный куст, слушает отцовские объяснения.

— А вот Максимка в школу пошел. А вот институт закончил. А вот когда из армии вернулся...

Листаю дальше. Вижу, как мальчик превращается в подростка, потом в юношу, потом в мужчину.

В того мужчину, который час назад меня проигнорировал.

Но здесь, на фотографиях, он другой. Улыбается. Обнимает родителей. Работает в винограднике с энтузиазмом, а не с мрачной обреченностью.

— Что с ним случилось? — спрашиваю, сама не понимая почему.

— Жизнь случилась, — вздыхает Тамара Петровна. — Отца похоронили. Долги навалились. Девушка его бросила — сказала, что не хочет с неудачником связываться. Вот и озлобился.

Девушка бросила неудачника. Знакомая история. В корпоративном мире слабых не жалеют.

— Но ведь можно начать сначала, — говорю. — Продать землю, расплатиться с долгами, найти другую работу...

— Другую работу? — Тамара Петровна смотрит на меня с недоумением. — Деточка, да это не работа. Это призвание. Это в крови у него. Он виноград чувствует, как я тесто чувствую. Руками, сердцем.

Призвание. Еще одно слово из непонятного мне языка.

У меня тоже есть призвание — эффективно решать бизнес-проблемы. Но почему-то ее слова заставляют меня усомниться.

— Тамара Петровна, я понимаю ваши чувства, но...

— А ты пробовала наше вино? — перебивает она.

— Нет, но...

— Надо попробовать. Тогда поймешь.

Она встает, идет в кладовую, возвращается с бутылкой без этикетки.

— Это прошлогоднее. Максимка сам делал.

Ставит передо мной небольшой бокал, наливает темно-красную жидкость.

— Я за рулем, — пытаюсь отказаться.

— Чутьочку, — настаивает Тамара Петровна. — Для понимания.

Пробую. И снова замираю.

Это не вино. Это... симфония.

Вкус сложный, многослойный. Сначала фруктовая сладость, потом танинная терпкость, потом долгое, теплое послевкусие с нотками дуба и специй.

Я пила дорогие французские вина в ресторанах Мишлен. Но это... это другое. В нем чувствуется не технология, а душа.

— Хорошее? — спрашивает Тамара Петровна.

— Да, — отвечаю честно. — Очень хорошее.

— Вот видишь. А ты говоришь — продать, начать сначала. Да разве можно такое продать?

Могу. Более того — должна. Это моя работа.

Но почему-то язык не поворачивается сказать это вслух.

Доедаю борщ. Тамара Петровна подкладывает еще хлеба, наливает чай из настоящего самовара. Чай крепкий, ароматный, с травами.

— Что за травы? — спрашиваю.

— Мята, зверобой, душица, — перечисляет Тамара Петровна. — Сама сушу. Максимка в детстве только такой чай и пил.

Пью и думаю — когда я в последний раз пила чай просто так, не проверяя почту, не планируя встречи, не анализируя проекты?

Не помню.

— Тамара Петровна, — пытаюсь вернуться к делу. — Мне нужны документы. Отчеты о доходах и расходах за последние три года...

— Деточка, а что с Максимкой будет, если вы тут все... как это... оптимизируете?

Оптимизируете. Она даже слово правильно запомнила.

— Он найдет другое применение своим талантам, — отвечаю дежурной фразой.

— Какое другое? — настаивает Тамара Петровна. — Он же ничего другого не умеет. Только землю любить да вино делать.

Ничего другого не умеет. В корпоративном мире это приговор. Узкая специализация — признак слабости.

Но здесь почему-то это звучит как... достоинство?

— В любом случае, решение принимает не он, — говорю жестче, чем хотела. — Решение принимает банк.

— А банк-то людей знает? — спрашивает Тамара Петровна простодушно. — Там сидят люди, которые нашу землю видели? Наше вино пробовали?

Нет, конечно. В банке сидят менеджеры, которые анализируют цифры. Как я.

— Это не важно, — отвечаю. — Важна экономическая эффективность.

— А человек? Человек не важен?

Вопрос прост, но почему-то заставляет меня замолчать.

Человек не важен? Конечно, важен. Но в рамках KPI, мотивации, производительности труда.

А здесь она спрашивает о чем-то другом.

Хочу ответить, но в этот момент скрипнула дверь.

Вошел он.

Максим.

Высокий, широкоплечий, в рабочей одежде. Лицо усталое, руки в земле. Он видит меня за своим столом, в своем доме, и его взгляд становится ледяным.

Температура в комнате падает градусов на десять.

— Максимка, садись, — говорит Тамара Петровна, не обращая внимания на напряжение. — Веронечка наш борщ хвалила.

Веронечка. Она назвала меня так при нем.

Максим молча садится на стул напротив. Не здоровается. Не смотрит на меня. Берет ложку и начинает есть.

Игнорирует. Снова.

Я сижу в его доме, ем его еду, разговариваю с его матерью. И он делает вид, что меня не существует.

Ярость поднимается горячей волной.

— Максим Андреевич, — говорю четко и холодно, — мне нужен доступ к финансовым документам вашего предприятия.

Он продолжает есть, не поднимая головы.

— Также мне необходимо осмотреть производственные помещения и виноградник.

Молчание.

— Я представляю интересы банка-кредитора, и вы обязаны...

— Максимка, — вмешивается Тамара Петровна мягко. — Девочка по делу приехала...

— Знаю, — говорит он. Первое слово за все время. Голос хриплый, низкий. — По делу.

И снова молчание.

Это унижение хуже любой словесной перепалки. Он не считает меня достойной даже разговора.

Встаю резко. Стул скрипит.

— Хорошо, — говорю ледяным тоном. — Раз вы не желаете сотрудничать, я проведу осмотр самостоятельно. Это мое право как представителя кредитора.

Максим поднимает глаза. Смотрит на меня с таким презрением, что хочется дать ему пощечину.

— Валяй, — говорит он. — Осматривай.

Валяй. Как будто разрешает собаке гавкать.

— Спасибо за обед, Тамара Петровна, — говорю, стараясь, чтобы голос не дрожал от ярости. — Было очень... познавательно.

— Деточка, да ты чего...

Не дожидаясь ответа. Иду к двери.

В прихожей беру свой пиджак. Руки дрожат — от злости, от унижения, от странного ощущения, что я делаю что-то неправильное.

Хлопаю дверь.

Стою на крыльце и пытаюсь взять себя в руки.

Анализирую ситуацию.

Он думает, что победил. Думает, что своим хамством заставил меня отступить.

Ошибается.

Я Вероника Лебедева. Я прошла через корпоративные войны, которые сломали бы его за неделю. Я съедала на завтрак акул покрупнее него.

И этот деревенский самодур думает, что может меня запугать?

Смотрю на виноградник. Ряды лозы тянутся до горизонта. Жара, пыль, непривычные запахи.

Мои туфли совершенно не подходят для такой прогулки. Каблуки будут вязнуть в земле. Ноги устанут через полчаса.

Плевать.

Пойду и осмотрю каждый квадратный метр этого места. Сделаю самый подробный отчет в своей карьере. Покажу этому Максимке, что такое профессионализм.

А он пусть сидит и давится своим борщом.

Делаю первый шаг по направлению к винограднику.

Каблук сразу же вязнет в земле. Выдергиваю, делаю еще шаг.

Назло ему. Назло всем.

Я покажу этому месту, что такое настоящая работа.

Глава 4

Вероника / Максим

Делаю первый шаг с деревянного крыльца, и каблук моей правой туфли тут же проваливается в рыхлую землю почти по самое основание.

Выдергиваю ногу с характерным чавкающим звуком. Черная кожа элегантных «Louboutin», которые я надевала на советы директоров в «Москва-Сити», покрывается слоем густой серой пыли. Эта пыль мгновенно превращается в грязь, смешиваясь с капельками пота, выступившими на щиколотках.

Делаю второй шаг. Третий. Каждый из них — это настоящая борьба.

Солнце печет нещадно, хотя день уже клонится к вечеру. Воздух здесь густой, неподвижный, пахнет нагретыми листьями и сухой почвой. В Москве сейчас работал бы бесшумный кондиционер, обдувая меня прохладным искусственным бризом, а на столе стоял бы ледяной латте на миндальном молоке. Здесь же — пекло, от которого некуда скрыться, и удушающее чувство собственного бессилия.

Мой пиджак, сшитый на заказ, прилипает к спине. Шелковая блузка противно намокла под мышками. Волосы, которые я утром стянула в безупречный, гладкий пучок, начинают выбиваться прядь за прядью и липнуть к влажным вискам.

Но я иду. Иду назло ему. Назло этому высокомерному, угрюмому хаму, который посмел просто встать из-за стола в собственном доме и уйти, проигнорировав мои вопросы. Он думает, что своим молчанием и деревенским снобизмом заставит меня отступить? Думает, что я поплачу над испорченным маникюром, сяду в такси и уеду, написав в отчете, что объект не подлежит оценке?

Ошибается. Я Вероника Лебедева. Я выжимала прибыль из мертвых заводов на Урале и увольняла топ-менеджеров, которые годились мне в отцы. И какой-то провинциальный винодел меня не сломает.

Прохожу мимо первых рядов лозы. Вблизи они выглядят как хаотичное скопление зелени. Длинные плети, широкие резные листья, тяжелые гроздья, свисающие вниз. Ничего особенного. Растения как растения. Я пытаюсь прикинуть в уме плотность посадки на гектар, чтобы сопоставить с цифрами в моем файле, делаю резкий шаг в сторону, и вдруг...

ХРУСТЬ.

Звук отвратительный. Окончательный. Резкий, как выстрел в этой звенящей тишине.

Я замираю. Левая нога неестественно подворачивается. Опускаю взгляд и вижу, что тонкая шпилька, обошедшаяся мне в восемьсот долларов, сломалась ровно пополам и теперь торчит из земли под нелепым углом.

Идеальные туфли, которые всегда придавали мне уверенности, которые были моим доспехом на любых переговорах, уничтожены куском кубанского чернозема.

Все. Финита ля комедия.

Внутри меня что-то обрывается. Глухая, горячая ярость поднимается от живота к горлу, затапливая остатки корпоративной выдержки. Я больше не профессионал. Я просто уставшая, потная, униженная женщина, стоящая посреди чужого поля.

— Да пошло оно все к черту! — выкрикиваю я, не сдерживаясь. Голос тонет в просторах виноградника.

Я наклоняюсь, срываю с левой ноги изувеченную туфлю, затем стягиваю правую. С силой, от которой ноют плечи, швыряю обе туфли куда-то в сторону. Они исчезают в высокой траве между рядами лозы.

Выпрямляюсь. Теперь я стою босиком на этой проклятой земле.

И меня накрывает шок.

Земля горячая. Обжигаяще горячая. Она хранит в себе все тепло сегодняшнего адского солнца. Под моими ногами — мелкие камешки, сухие, колючие травинки, твердые комья засохшей грязи.

Мои изнеженные городские ступни, привыкшие только к мягким коврам пентхаусов, гладкому паркету и подогреву полов в ванной, протестуют против каждого миллиметра.

Больно. Чертовски больно.

Но я стискиваю зубы и делаю шаг. Потом еще один. Я прихрамываю, морщусь, когда наступаю на острый камешек, но продолжаю идти вглубь виноградника.

Странно, но вместе с болью приходит что-то еще. Это самое яркое, самое настоящее физическое ощущение за последние месяцы моей стерильной, спланированной жизни. Не виртуальное. Не описанное в таблице Excel. Прямое. Живое.

Я прохожу между рядами. Здесь, в глубине, образуется свой микроклимат. Листья создают легкую тень. Воздух пахнет иначе — слаще, гуще. Я начинаю замечать детали: каждый куст отличается от соседнего. Где-то листья темнее и жестче, где-то гроздь крупнее, где-то лоза изгибается под немыслимым углом, цепляясь за проволоку. Это не фабричный конвейер. Это сложная, дышащая экосистема.

Останавливаюсь возле мощного куста, пытаюсь перевести дух и унять пульсацию в истерзанных ступнях.

— Заблудилась, милая?

Я резко оборачиваюсь. За соседним рядом лозы стоит пожилой мужчина. Невысокий, жилистый, с лицом, дубленным ветрами и солнцем до цвета темного дерева. Одет в выцветшую клетчатую рубашку и старые, протертые на коленях джинсы. В руках он держит секатор.

Его глаза — светлые, живые, в сеточке глубоких морщин — смотрят на меня с откровенным любопытством, но без насмешки.

— Не заблудилась, — отвечаю я, инстинктивно выпрямляя спину и включая тон начальницы. — Я здесь по делу.

— Вижу, — кивает он, переводя взгляд на мои босые, перепачканные в пыли ноги. — Дело серьезное, раз босиком пошла.

Мне становится мучительно стыдно. Я стою перед ним в дорогом, но насквозь пропотевшем костюме Miu Miu, босая, грязная, с растрепанной головой. Нелепая пародия на москвичку. Но отступить некуда.

— Я представляю банк, — говорю я, чеканя слова. — Мне нужно провести оценку имущества и состояния активов.

— Степан Ильич, — представляется он, игнорируя мой официальный тон. Улыбается тепло, по-доброму. — Можно просто Степаныч. А тебя как звать?

— Вероника Сергеевна Лебедева.

— Веронечка, — произносит он мое имя так же ласково, как это делала Тамара Петровна утром. — Значит, оценщица. Бумаги, цифры... Понятно.

Он подходит ближе, внимательно заглядывая мне в лицо. Не разглядывает мою странную экипировку, не осуждает. Он смотрит прямо в глаза.

— Ты, милая, на цифирь не смотри, — говорит он вдруг очень серьезно. — Ты попробуй.

— Что попробовать? Рентабельность?

Степаныч тихо смеется. Вместо ответа он поднимает руку с узловатыми пальцами, срывает с ближайшего куста одну темно-синюю, почти черную ягоду, покрытую матовым восковым налетом, и протягивает мне.

— Землю попробуй. Земля, она врать не умеет. Это тебе не отчеты бухгалтерские.

Я смотрю на ягоду на его грубой ладони. В голове тут же вспыхивает мысль о микробах, о немытых руках, о нарушении санитарных норм.

— Я не думаю, что это гигиенично, — говорю я, отстраняясь.

— Да ладно тебе, — он качает головой. — Не отравишься. Это наша земля, наше солнце. Дождем умытое, ветром высушенное. Чистое все. Бери.

Какая-то неведомая сила заставляет меня протянуть руку. Я беру ягоду. Она теплая, нагретая послеобеденным солнцем, плотная и упругая на ощупь. Кладу ее в рот и осторожно раскусываю.

И замираю.

Это... взрыв. Настоящий вкусовой взрыв. Сначала рецепторы обжигает резкая, почти дикая кислота, от которой сводит скулы. Но уже через секунду она сменяется густой, обволакивающей сладостью. В этом крошечном шарике словно сконцентрировано все: жар солнца, которое пекло мне макушку, терпкость сухой земли, по которой я иду босиком, свежесть утренней росы. Вкус сложный, многослойный, он раскрывается во рту, оставляя долгое, бархатное послевкусие.

Это не имеет ничего общего с тем водянистым, идеальным по форме виноградом, который я покупаю в московской «Азбуке Вкуса». Это концентрат самой жизни.

— Ну как? — тихо спрашивает Степаныч. — Хорошо?

— Да, — отвечаю я честно, забыв о своей роли холодного аудитора. — Необычно. Очень... насыщенно.

— Вот видишь. А в отчете своем для банка ты как это опишешь? Цифрами?

Его вопрос ставит меня в тупик. Действительно, как? «Органолептические свойства в норме»? «Высокое содержание фруктозы»? Разве эти термины передают то, что я сейчас почувствовала?

— Я... я не знаю, — признаюсь я, чувствуя себя глупо.

— То-то и оно, Веронечка, — кивает старик, возвращаясь к своему кусту. — Не все в этом мире в таблицы помещается.

Я стою, обдумывая его слова, и машинально окидываю взглядом ряды лозы вокруг нас. Мой мозг, привыкший анализировать любую информацию, начинает работать. В самолете я не спала — я читала статьи по агрономии и виноградарству, чтобы понимать специфику бизнеса, который собираюсь закрывать.

— Степан Ильич, — говорю я, вглядываясь в конструкцию опор. — А можно профессиональный вопрос?

— Задавай.

— Почему вы используете здесь шпалерную подвязку, а не традиционную чашевидную? Ведь для старых виноградников этого региона, тем более с учетом такого угла падения солнечных лучей, чаша более характерна и дешевле в обслуживании?

Степаныч останавливается. Его секатор замирает в воздухе. Он поворачивается и смотрит на меня с совершенно новым выражением — с уважением.

— Ого, — тянет он, приподнимая густые брови. — А ты, я погляжу, подготовилась, девка.

— Я всегда готовлюсь к своим проектам, — говорю я не без гордости, чувствуя, как ко мне возвращается уверенность. — Так почему шпалера?

Степаныч хитро щурится и кивает куда-то мне за спину.

— А это не ко мне вопрос. Это Максимка тебе ответить должен. Он тут главный по винограду. Я только помогаю.

Максим

Я стою в тени дверного проема своей мастерской и наблюдаю за ней.

Еще минут пятнадцать назад я увидел, как она выскочила из дома. Злая. Походка резкая, спина прямая, как палка, подбородок вздернут. Вышагивала по грунтовой дорожке на своих дурацких тонких каблуках, как генерал на параде.

Мне было смешно. И одновременно тошно. Городская кукла. Приехала в нашу глушь, нацепила костюм, который стоит как половина моего трактора, и думает, что может строить тут всех своими банковскими бумажками.

Я стоял, облокотившись о косяк, и ждал. Ждал того самого момента.

И он наступил. Взмах, неверный шаг, хруст. Каблук ломается.

Я криво усмехнулся. Сейчас начнется истерика. Сейчас она расплатится, достанет свой последний айфон, начнет звонить начальству, жаловаться на невыносимые условия и ковылять обратно в дом, чтобы пожаловаться моей матери на испорченную обувь.

Но она не расплакалась.

Я смотрел, как она застыла на секунду. Как ее плечи напряглись. А потом она сорвала с ног туфли и с силой, в которой было столько первобытной ярости, швырнула их в траву.

И пошла дальше. Босиком.

По моей земле. По сухой, колючей, раскаленной солнцем земле, о которую даже в сапогах иногда ноги сбиваешь.

Моя усмешка медленно сползла с лица. Я следил за тем, как она идет. Она прихрамывала, морщилась, я видел, как ей больно, но она не останавливалась. Упрямо перла вперед, прямо вглубь виноградника.

Упрямая стерва.

Я бросил ветошь на верстак и вышел из мастерской. Пошел следом, стараясь держаться в соседнем ряду, скрытый листвой. Мне было интересно, на сколько ее хватит.

Она дошла до старого участка и встретилась со Степанычем. Я подошел ближе, замер за широким кустом Каберне, слушая их разговор. Слышал, как старик угостил ее виноградом. Ждал, что она брезгливо сморщит нос, скажет, что это немытое, нестерильное.

Но она съела.

Глухое, тягучее раздражение начало подниматься в груди. Зачем Степаныч с ней ласы точит? Зачем кормит ее нашим виноградом? Она не гостья. Она пришла с ножом к горлу нашего хозяйства. Она — ликвидатор.

Я сделал шаг из-за лозы, готовый резко прервать эту милую беседу, отправить Степаныча работать, а ее — обратно в дом.

Но тут я услышал ее голос.

— ...А почему вы используете шпалерную подвязку, а не традиционную чашевидную?

Я замер на полушаге. Ботинок так и завис над землей.

Что?

Это не был вопрос случайной туристки, которая прочитала буклет. Это не был вопрос банковской крысы, которая знает только дебет и кредит. Это терминология. Она знает разницу между формировками куста. Она понимает зависимость от инсоляции.

Как она... откуда она это знает?

Я вышел из-за ряда лозы. Степаныч тут же заметил меня и хитро улыбнулся, кивнув в мою сторону.

Она обернулась.

Ее лицо покраснелось от жары. Дорогая блузка прилипла к телу. На щеке — мазок серой пыли. Но взгляд... Взгляд был колючим, умным и абсолютно бесстрашным.

Злость смешалась во мне с каким-то странным азартом. Она хочет играть на моем поле? Хорошо.

— Потому что чаша дает больше сахара, — говорю я, подходя ближе. Голос звучит резко, грубее, чем я планировал. — А мне нужна кислотность для баланса танинов. Мы не компот здесь варим, а вино делаем. Понятно?

Вероника

Я вздрагиваю.

Его голос раздается прямо за моей спиной — низкий, рокочущий, с хрипцой. Он заговорил со мной. Впервые с того момента, как я приехала и он процедил свое «экскурсии не проводим».

Я медленно поворачиваюсь к нему всем телом.

Он стоит всего в двух метрах от меня. Широкоплечий, огромный, в пыльной рабочей футболке, которая обтягивает его грудь. Его лицо мрачное, челюсть упрямо сжата. Он смотрит на меня сверху вниз, ожидая, что я стушуюсь от его резкого ответа, что я опущу глаза и признаю свое поражение на его профессиональной территории.

Не дождется.

Внутри меня вспыхивает холодный, контролируемый адреналин. Тот самый, который всегда накрывает меня в зале суда или на жестких переговорах с кредиторами. Чувство маленькой, но очень важной победы. Я заставила его говорить. Я нашла кнопку, на которую нужно нажать.

Я расправляю плечи, игнорируя то, что стою босиком в грязи, и смотрю ему прямо в эти темные, враждебные глаза.

— Это спорный аргумент, Максим Андреевич, — говорю я ровно, четко выговаривая слова. — Но при правильном управлении листовым аппаратом и грамотном контроле нагрузки на куст, можно регулировать сахаристость и на чашевидной формировке. Вы добились бы комплексности вкуса за счет более равномерного освещения гроздей, при этом сократив затраты на замену шпалерной проволоки и столбов на пятнадцать процентов ежегодно.

Я делаю крошечный шаг к нему, не разрывая зрительного контакта.

— Вы теряете деньги там, где могли бы экономить без потери качества. Это не виноделие, это просто неэффективный менеджмент.

Я замолкаю, ожидая его реакции. Это дуэль. И я только что сделала свой выстрел.

Максим

Она замолкает, продолжая сверлить меня взглядом.

«Управление листовым аппаратом». «Контроль нагрузки». Она бьет меня моими же терминами, привязывая их к своим чертовым банковским процентам. И делает это безупречно, со знанием дела.

Она не моргает. Не отступает ни на миллиметр.

Я молчу, просто разглядывая ее так, словно вижу впервые в жизни.

Мой взгляд невольно скользит вниз, по ее фигуре в измятом, дорогом костюме. Опускается к ее ногам. Маленькие, изящные ступни стоят прямо на жестких комьях земли. На белой коже красные царапины от сухой травы, пальцы перепачканы в черной пыли. Ей должно быть адски больно стоять так.

Мой взгляд поднимается выше. К тяжело вздымающейся от жары груди. К шее, по которой стекает капелька пота. К растрепанным волосам, выбившимся из строгой прически. К лицу, на котором нет ни грамма страха.

И эти глаза. Светло-серые, сейчас они потемнели и горят сумасшедшим, диким азартом.

Мои кулаки сами собой разжимаются.

Она больше не была стерильной, пластиковой куклой из Москвы, которую можно просто проигнорировать и прогнать. Она стояла здесь, на моей земле, босая, грязная, злая, бросая мне профессиональный вызов, вцепившись в мою реальность мертвой хваткой.

Воздух между нами вдруг становится плотным, тяжелым. Дышать тяжело.

И я, к своему собственному ужасу, чувствую, как где-то глубоко внутри, под слоями ненависти к ней и к банку, который она представляет, рождается резкий, горячий укол интереса.

Не делового. Настоящего, первобытного, мужского интереса к этой невыносимой, невероятной упрямой женщине.

Глава 5

Максим

Вечер. Работаю в мастерской, делаю новые колышки для подвязки. Руки заняты, а голова... голова думает о ней.

О том, как она стояла босиком на моей земле. Как задавала умные вопросы. Как смотрела мне в глаза, не отводя взгляда.

Черт возьми, почему я не могу выкинуть ее из головы?

Она же враг. Приехала разрушить мою жизнь. Превратить дедов виноградник в цифры в отчете.

Но когда она спросила про шпалерную подвязку...

Стук мотора во дворе прерывает мои мысли. Поднимаю голову. Еще одна машина? Второй раз за день — это уже подозрительно.

Выглядываю в окно и сразу понимаю — беда.

Во двор въезжает белый «Лексус». Блестящий, дорогой, наглый. Знаю эту машину. Знаю и ее хозяина.

Артур Манукян.

Стервятник приехал.

Выхожу из мастерской. Артур уже выбирается из машины — высокий, худощавый, в белой рубашке и дорогих джинсах. Волосы зачесаны назад, на запястье поблескивают золотые часы. Улыбается белозубой улыбкой.

Все в нем кричит об успехе. О деньгах. О том, что он — хозяин жизни.

Ненавижу его всеми фибрами души.

Не потому что он армянин — мне плевать на национальность. А потому что он — все, что не так с этим миром. Бизнес без души. Деньги без совести. Успех без чести.

Он превратил виноделие в конвейер. Делает дешевое пойло для туристов и продает его втридорога, называя «авторским вином».

— Максим! — кричит он, широко разводя руки. — Дорогой мой! Как дела, как жизнь?

Подхожу медленно. Руки сжимаются в кулаки. Хочется врезать ему в его довольную рожу.

— Что тебе надо, Артур?

— Да ты что, старик! — он продолжает улыбаться, но в глазах холодок. — Так встречаешь старого друга?

Друга. Мы никогда не были друзьями. Он просто сосед, который много лет назад пытался купить у отца часть земли. Отец послал его подальше.

— Говори, зачем приехал.

— Слышал, у тебя гостя, — Артур оглядывается по сторонам. — Из Москвы. Красивая, говорят.

Откуда он знает? Впрочем, в нашем районе новости разносятся быстро. Особенно такие, как приезд московской оценщицы.

— И что с того?

— Да ничего, ничего, — Артур машет рукой. — Просто подумал — может, помочь чем? У меня связи есть, опыт в работе с такими... дамами.

Опыт в работе с такими дамами. Знаю я его опыт. Обаяние, деньги, дорогие подарки. А потом — контракты на его условиях.

— Не нужна твоя помощь.

— Максим, Максим, — качает головой Артур. — Ты же понимаешь, что рано или поздно все равно придется продавать? Долги никуда не денутся. Так может, лучше по-хорошему? Я готов предложить справедливую цену...

— Справедливую? — усмехаюсь. — Как ты предлагал отцу?

— Это было давно, — отмахивается Артур. — Сейчас другие времена. Другие возможности. Я же не враг тебе, Максим. Наоборот — хочу помочь.

Помочь. Ага. Как волк помогает овце — съедает, чтобы та не мучилась.

В этот момент из дома выходит она.

Вероника.

Она переоделась — теперь на ней простые джинсы и белая блузка. Босиком больше не ходит — нашла где-то резиновые шлепанцы. Волосы собрала в конский хвост.

Выглядит... проще. Естественнее. Красивее.

Артур мгновенно забывает о моем существовании. Поворачивается к ней, и его лицо озаряется хищной улыбкой.

— Вероника Сергеевна! — он идет к ней с распростертыми объятиями. — Наконец-то! Артур Манукян, — представляется, протягивая руку. — Слышал о вашем приезде. Добро пожаловать в наши края!

Она пожимает его руку вежливо, но настороженно.

— Здравствуйте.

— Я ваш сосед, — продолжает Артур, не отпуская ее руку. — У меня тут неподалеку винодельня. «Золотая лоза» называется. Может, слышали?

— Нет, — отвечает Вероника коротко.

— О, это не страшно! — смеется Артур. — Мы исправим это упущение. Вы же наверняка хотите получить полную картину местного виноделия? Понять все нюансы рынка?

Она кивает. Артур делает шаг ближе. Слишком близко.

— Тогда завтра утром я заеду за вами. Покажу, как выглядит современное, эффективное виноградарство. Не то что... — он небрежно машет рукой в сторону нашего виноградника, — эти старомодные методы.

Старомодные методы. Он говорит о трехвековых традициях, как о пережитке прошлого.

— Я слышал, вы из Москвы, — продолжает Артур. — Наверняка привыкли к цивилизации. К комфорту. А здесь... — он сочувственно качает головой, — здесь, боюсь, вам будет непросто. Помогу вам побыстрее закончить дела в нашей глуши и вернуться домой.

Он говорит с ней так, словно меня здесь нет. Словно я — часть декораций, а не хозяин земли, на которой он стоит.

Ярость поднимается в груди горячей волной.

— Ей не нужна твоя помощь, — говорю резко, подходя ближе.

Артур поворачивается ко мне с удивленным видом.

— А, Максим! Ты еще здесь? Думал, ушел заниматься своими... хозяйственными делами.

Своими хозяйственными делами. Он умеет унижать, не повышая голоса. Мастер.

Встаю между ним и Вероникой. Вплотную. Так, чтобы он почувствовал — здесь моя территория.

— Мы заняты, — говорю холодно.

— Заняты? — Артур смеется. — Чем же? Показываешь госпоже Лебедевой, как правильно разоряться?

— Артур, — предупреждаю.

— Что «Артур»? — он разводит руками. — Я же добра желаю! И тебе, и красивой даме. Ты же понимаешь, Максим, что рано или поздно все равно придется продавать. Так зачем тянуть? Зачем мучить и себя, и людей?

Людей. Он говорит так, словно заботится обо мне.

— Моя земля, мое дело, — цежу сквозь зубы.

— Пока твоя, — Артур усмехается. — Пока. А потом... потом будет принадлежать тому, кто сможет за нее заплатить.

Он поворачивается к Веронике:

— Вероника Сергеевна, мое предложение остается в силе. Завтра утром покажу вам настоящее производство. Увидите разницу между бизнесом и... — он презрительно оглядывается, — хобби.

Хобби. Мою жизнь он называет хобби.

Кулаки сжимаются до хруста костяшек. Еще секунда, и я не смогу сдержаться.

— Подумайте, Вероника Сергеевна, — добавляет Артур мягко. — Мое предложение в силе.

Садится в машину, заводит мотор. Машет рукой и уезжает, оставляя за собой облако пыли и запах дорогого бензина.

Стою и смотрю ему вслед. Дышу тяжело. Руки дрожат от сдерживаемой ярости.

— Кто это был? — спрашивает Вероника.

— Сосед, — отвечаю коротко. — Артур Манукян. Хозяин «Золотой лозы».

— Ваш конкурент?

— Не конкурент, — качаю головой. — Стервятник. Скупает разорившиеся хозяйства. Превращает их в туристические аттракционы.

Она молчит, обдумывая услышанное.

— А что он имел в виду под «предложением»?

— Хочет купить мою землю, — объясняю. — Давно хочет. Еще отцу предлагал. Теперь думает, что время пришло.

— И пришло?

Вопрос прямой, жесткий. Она не пытается меня пожалеть или приободрить. Просто хочет знать правду.

— Посмотрим, — отвечаю.

Небо начинает темнеть. С запада наплывают тучи. Воздух становится влажным, тяжелым. Пахнет дождем.

— Сейчас начнется ливень, — говорю. — Южные дожди не шутят. Лучше зайти в дом.

Но она не слушает. Стоит, глядя в сторону, куда уехал Артур.

— Он прав? — спрашивает. — То, что он сказал про современное производство?

— Смотря что понимать под современным, — отвечаю. — Если делать дешевое пойло в промышленных масштабах — да, он прав. Если делать настоящее вино — нет.

— А разница большая? Финансово, я имею в виду.

Финансово. Конечно, ее интересуют только цифры.

— Большая, — признаю. — Его оборот в десять раз больше. Прибыль — тоже.

— Тогда почему вы не используете его методы?

Потому что я не могу. Потому что это не мое. Потому что, делая пойло, я предаю память отца и деда.

Но как ей это объяснить?

— Потому что это не вино, — говорю. — Это подкрашенная водка для туристов.

Первые крупные капли дождя падают на землю. Потом еще. И еще.

— Идем в дом, — повторяю.

Но в этот момент небо разверзается.

Ливень обрушивается на нас стеной воды. За секунду промокаем до нитки.

Вероника вскрикивает от неожиданности, пытается прикрыться руками. Бесполезно. Южный ливень не знает пощады.

— Бежим! — кричу, перекрывая шум дождя.

Хватаю ее за руку, тащу к дому. Она спотыкается, чуть не падает. Шлепанцы скользят по мокрой земле.

Добегаем до веранды. Останавливаемся под крышей, тяжело дышим.

Она насквозь промокла. Белая блузка прилипла к телу, просвечивает. Волосы мокрые, прилипли к лицу. С ресниц капает вода.

Красивая. Черт возьми, красивая.

Она дрожит. От холода, от неожиданности. Обхватывает себя руками, пытается согреться.

— Подождите здесь, — говорю хрипло.

Захожу в дом. Мама на кухне, готовит ужин.

— Максимка, дождь начался? — спрашивает она.

— Да. Веронечка промокла. Где у нас полотенца?

— В шкафу. Большие, махровые. И плед отцовский возьми, в комодѣ лежит.

— И скажи ей, что гостевая свободна, — добавляет мама уже тише. — Водитель уехал, до станции далеко, а в такую погоду я ее никуда не отпущу. Чемодан Степаныч занес наверх.

Иду в комнату, достаю большое махровое полотенце. Потом открываю комод, нахожу отцовский плед. Старый, шерстяной, но теплый.

Возвращаюсь на веранду. Она все еще стоит, дрожа. Прижала руки к груди, пытается унять дрожь.

Протягиваю полотенце. Наши пальцы касаются. Ее рука холодная, мокрая.

— Спасибо, — говорит тихо.

Кладу плед на стул рядом.

— Этот тоже возьмите. Когда вытретесь.

Она кивает. Начинает вытирать лицо, волосы. Я стою рядом, смотрю.

Не могу отвести взгляд.

Мокрая блузка облепила ее тело. Видны очертания, изгибы. Она не носит лифчик — или носит очень тонкий. Соски просвечивают через мокрую ткань.

Кровь приливает к лицу. И не только к лицу.

Отворачиваюсь, смотрю на дождь. Льет как из ведра. Двор превратился в озеро. Хорошо, что виноград любит воду.

— Максим, — ее голос тихий, осторожный.

Оборачиваюсь. Она завернулась в плед. Большой, он почти скрывает ее целиком. Только лицо видно, бледное, с мокрыми волосами.

— Спасибо, — повторяет она. — За полотенце. За плед. За то, что... защитили от этого Артура.

Защитил. Она заметила.

— Не за что, — отвечаю грубо. — Просто не люблю, когда на моей земле ведут себя как хозяева.

— Но вы же понимаете, — говорит она медленно, — что он не ошибается? Что его методы действительно более... эффективные?

Эффективные. Опять эти проклятые цифры.

— Эффективные для чего? — спрашиваю резко. — Для получения денег? Да, эффективные. Для создания вина? Нет.

— А разве не деньги главное в бизнесе?

— Для кого-то — да. Для меня — нет.

— А что для вас главное?

Хороший вопрос. Что главное?

Земля. Традиции. Честность. Вино, которое делаешь с душой, а не на конвейере.

Но как ей это объяснить? Она же из мира, где все покупается и продается.

— Вы не поймете, — говорю.

— Попробуйте объяснить.

Смотрю на нее. Она серьезна. Не издевается, не подкалывает. Действительно хочет понять.

— Видите дождь? — киваю на ливень.

Она кивает.

— Артур поставил бы систему орошения. Эффективную, автоматическую. Можно регулировать количество воды, время полива, добавлять удобрения. Очень современно.

— И что в этом плохого?

— А то, что дождь — живой. У него есть характер. Сегодня он один, завтра — другой. Виноград чувствует эту разницу. Запоминает. И потом отдает вину свой характер, свою душу.

Она молчит, обдумывая мои слова.

— Но ведь так нестабильно, — говорит наконец. — Один год дождей много, другой — мало. Урожай непредсказуемый.

— Да, — киваю. — Нестабильно. Рискованно. Не подходит для бизнес-планов.

— Тогда зачем?

— Потому что настоящее не бывает стабильным. Настоящая любовь, настоящая дружба, настоящее вино — все это живое. А живое непредсказуемо.

Она смотрит на меня долго, внимательно.

— Вы странный, — говорит наконец.

— Знаю.

— В вашем возрасте мужчины обычно думают о стабильности. О деньгах. О семье.

О семье. Больная тема.

— А вы? — спрашиваю в ответ. — О чем думаете?

— О работе, — отвечает без колебаний. — О карьере. О том, как решить очередную задачу.

— А о семье?

Она молчит долго.

— Семья — это риск, — говорит наконец. — Нестабильность. Можно вложить в человека всю душу, а он уйдет к другой.

Уйдет к другой. Значит, была история. Больная.

Как у меня с Катькой.

Дождь начинает стихать. Из ливня превращается в обычный дождик. Воздух свежий, чистый. Пахнет мокрой землей и травами.

— А знаете, что забавно? — говорит она вдруг.

— Что?

— Ваш Артур прав насчет эффективности. Но не прав насчет вас.

— В каком смысле?

— Он думает, что вы слабый. Что легко сдадитесь. А вы... вы не такой.

Не такой. Интересно, какой я в ее глазах?

— Какой же я?

— Упрямый, — усмехается она. — Принципиальный. Готовый драться за свое до конца.

— И это хорошо или плохо?

— Смотря для кого, — отвечает уклончиво.

Дождь почти прекратился. Только редкие капли падают с крыши.

— Мне пора переодеться, — говорит она. — А то простужусь.

Встает, плед соскальзывает с плеч. На секунду вижу ее тело под мокрой блузкой — и забываю вдохнуть.

— Да, конечно, — хрипло отвечаю.

Она идет к двери, останавливается на пороге.

— Максим, — говорит, не оборачиваясь. — Спасибо. За все.

Заходит в дом. Я остаюсь на веранде один.

Смотрю на плед, который она оставила на стуле. Отцовский плед. Теплый, надежный.

Как сам отец при жизни.

Интересно, что бы он сказал об этой женщине? Одобрил бы или покачал головой?

Наверное, покачал бы. Отец не любил сложностей. А она — сплошная сложность.

Но черт возьми, как же она красива...

Особенно мокрая. Особенно в его плеле. Особенно когда смотрит на меня этими серыми глазами и пытается понять, кто я такой.

Беру плед, нюхаю. Пахнет ею. Легкими духами, дождем и чем-то еще — теплым, женским.

Иду в свою комнату. Закрываю дверь, сажусь на кровать.

Образ ее мокрого тела стоит перед глазами. Не могу выкинуть из головы.

Ненавижу ее. Ненавижу за то, что она приехала разрушить мою жизнь.

Ненавижу ее начальника, который ее прислал.

Ненавижу Артура, который строит ей глазки и предлагает «помощь».

Но больше всего ненавижу себя.

За то, что хочу ее.

За то, что образ ее тела под мокрой блузкой заставляет меня забыть обо всем.

За то, что мне отчаянно захотелось вернуться, укутать ее в этот плед и согреть своим теплом.

Защитить от холода. От дождя. От Артура. От всего мира.

Хотя она — мой враг.

Хотя она приехала меня уничтожить.

Хотя между нами — пропасть, которую не перешагнуть.

Ложусь на кровать, закрываю глаза.

Но сон не идет. Перед глазами — только она.

Мокрая, красивая, недоступная.

Моя погибель.

Глава 6

Вероника

Утро встречает меня криком петуха где-то в глубине двора. Я открываю глаза и первые несколько секунд не могу понять, где нахожусь. Потолок незнакомый — деревянный, потемневший от времени. Пахнет старым деревом и какими-то травами. Не антисептиком и дорожными свечами, как в моей московской квартире.

А потом память накрывает меня, как холодная волна. Виноградник. Этот невыносимый, угрюмый мужчина. Его презрительный взгляд вчера, когда он просто развернулся и ушел, оставив меня одну с моими деловыми вопросами.

Я сажусь на кровати и смотрю на свои руки. Вчера, когда я шла по винограднику босиком, земля оставила следы под ногтями. Странно, но это не вызывает у меня отвращения. В Москве я бы немедленно побежала делать маникюр.

Солнце уже высоко. Значит, поздно. В Москве я всегда встаю в семь, к восьми уже в офисе с первой чашкой кофе. Здесь время течет по-другому. Медленнее. Густо, как мед.

Я встаю и подхожу к окну. За стеклом — ряды виноградника, залитые утренним солнцем. Где-то между лозами я вижу его фигуру. Максим уже работает. Конечно. Такие, как он, не спят до одиннадцати.

Внутри что-то сжимается. Вчера он показал мне, что я здесь чужая. Что все мои деловые навыки, вся моя компетентность ничего не стоят. Что я — просто московская барышня, которая задает умные вопросы, но в настоящем деле разбирается не больше, чем в квантовой физике.

Ну хорошо, Максим Андреевич. Посмотрим.

Я открываю свой чемодан. В нем — строгие костюмы, блузки, туфли на каблуках. Вся эта одежда кажется здесь неуместной, как бальное платье на стройке. Но на дне чемодана лежат старые джинсы и потертые кеды — то, что я захватила «на всякий случай». В Москве я их не носила уже лет пять. Они остались от студенческих времен, когда я еще могла позволить себе выглядеть просто человеком, а не визиткой успешного менеджера.

Я натягиваю джинсы. Они все еще сидят хорошо. Кеды тоже. В зеркале на меня смотрит почти незнакомая женщина. Без макияжа, без строгой прически, в простой одежде. Мне почему-то нравится то, что я вижу.

Внизу, на кухне, меня встречает запах свежее испеченного хлеба и звук шипящей на сковороде яичницы. Тамара Петровна стоит у плиты спиной ко мне. Она поворачивается, слышит мои шаги, и на ее лице появляется удивление.

— Ой, деточка, а ты сегодня какая... другая, — говорит она, разглядывая меня. — Симпатичная такая. Не московская барышня, а обычная девчонка.

— Спасибо, — отвечаю я и чувствую, как краска поднимается к щекам. Давно меня никто не называл девчонкой. — А где... где Максим?

— На винограднике. Где ж ему еще быть, — Тамара Петровна ставит передо мной тарелку с яичницей. — С рассвета ушел. Ты поешь сначала.

Но есть не хочется. Внутри все сжато в тугой комок решимости. Я делаю пару глотков чая, встаю и направляюсь к двери.

— Тамара Петровна, — говорю я, останавливаясь на пороге. — Скажите Максиму, что я пошла на виноградник. На работу.

Она смотрит на меня внимательно, прищурившись.

— Работу, говоришь? А что ты в ней понимаешь, милая?

— Сейчас узнаем, — отвечаю я и выхожу из дома.

Утреннее солнце уже припекает. Воздух пахнет травой, землей и чем-то сладковатым — наверное, созревающим виноградом. В Москве воздух пахнет выхлопными газами и асфальтом. Здесь он живой.

Я иду по тропинке между рядами лозы. Земля под ногами мягкая, немного влажная от утренней росы. Кеды проскальзывают, но это лучше, чем каблуки. Я могу идти спокойно, не боясь сломать ногу.

Максим работает в дальнем углу виноградника. Рядом с ним Степаныч. Они о чем-то говорят вполголоса. Когда я приближаюсь, Степаныч замечает меня первым.

— О, а вот и наша московская гостья, — говорит он и улыбается. — И одета по-людски. Хорошо.

Максим поднимает голову. Его взгляд останавливается на мне, и я вижу, как в его глазах вспыхивает что-то похожее на удивление. Но тут же гаснет, сменяясь привычной холодностью.

— Заблудилась? — спрашивает он, не прекращая работы с секатором. — Экскурсии не проводим.

Я останавливаюсь прямо перед ним. Мое сердце колотится, но я заставляю себя говорить спокойно:

— Дайте мне работу.

Он замирает. Секатор застывает в его руке на полпути к ветке.

— Что?

— Работу. Дайте мне работу, — повторяю я. — Я здесь, чтобы понять это хозяйство. Значит, мне нужно его понять изнутри.

Степаныч хмыкает:

— Дельно говорит девка.

Но Максим смотрит на меня с плохо скрываемой насмешкой.

— Работу, — медленно повторяет он. — Ты хочешь работу.

— Да.

— В этих кедиках? — Он окидывает меня взглядом с ног до головы. — На этих ручках? — Он кивает на мои руки, и я инстинктивно прячу их за спину.

Во мне поднимается знакомая волна раздражения. Он снова делает это — оценивает меня, как предмет, не соответствующий требованиям.

— В этих кедиках и на этих ручках, — отвечаю я. — Или вы боитесь мне доверить что-то серьезное?

Его глаза сужаются. Я попала в точку. Он встает, отряхивает руки о джинсы и подходит ко мне ближе. Очень близко. Я чувствую его запах — пот, земля и что-то еще, терпкое и мужское.

— Боюсь, — говорит он тихо. — Боюсь, что ты через час будешь рыдать и бежать обратно в свою Москву.

— Попробуйте, — говорю я. — Проверьте.

Он смотрит на меня еще несколько секунд. Потом отходит к старому ящику с инструментами, достает из него пару грубых рабочих перчаток и секатор. Швыряет все это к моим ногам.

— Валяй, «оптимизируй», — цедит он. — Вон там, — он показывает на участок справа от нас, — лоза заболела. Нужно вырезать все больные побеги. Режь все, что выглядит нездоровым. Увядшие листья, черные пятна, сухие ветки. Понятно?

Я поднимаю перчатки и секатор. Инструмент тяжелый, металлический, настоящий. Не игрушка.

— Понятно.

— Увидим, — бросает он и возвращается к своей работе.

Я иду к указанному участку. Степаныч провожает меня сочувствующим взглядом.

— Ты не слушай его, милая, — говорит он. — Он просто проверяет. У него все через проверку идет.

Я надеваю перчатки. Они велики, грубые, пахнут землей и старым потом. В руках секатор кажется неудобным. Я никогда раньше не держала ничего подобного.

Лоза передо мной выглядит как зеленый хаос. Ветки переплетены, листья растут в разные стороны. Как понять, что здоровое, а что больное?

Но я начинаю. Осторожно. Ищу то, что явно выглядит нездоровым — сухие листья, черные пятна на стеблях. Секатор режет с хрустом. Звук приятный, четкий.

Первые полчаса я работаю медленно, осторожно. Боюсь сделать что-то не так. Но постепенно вытягиваюсь. Движения становятся увереннее. Я начинаю различать нюансы — где лист просто старый, а где действительно больной. Где ветка засохла естественно, а где ее подточила болезнь.

Солнце поднимается выше. Становится жарко. Спина начинает ныть от непривычной позы. Руки, несмотря на перчатки, начинают болеть от непривычной нагрузки. Но я не останавливаюсь.

Где-то рядом слышу голоса Максима и Степаныча. Они работают, разговаривают о чем-то своем. Максим ни разу не посмотрел в мою сторону. Как будто меня здесь нет.

Это злит меня еще больше, чем боль в спине. Он уверен, что я сдамся. Что через час приползу к нему, ноя о том, что это слишком тяжело. Что я не такая.

Но я не такая.

Час проходит. Потом второй. Солнце поднимается к зениту, и жара становится почти невыносимой. Пот заливает глаза, спина горит, а руки дрожат от усталости. Но я продолжаю работать.

Степаныч приносит мне бутылку с водой.

— Пей, милая, — говорит он. — А то свалишься.

Я пью жадно, большими глотками. Вода теплая, но кажется самой вкусной в мире.

— Как дела? — спрашивает он, оглядывая мою работу.

— Нормально, — отвечаю я, хотя «нормально» — это громко сказано. Я едва держусь на ногах.

— Хорошо работаешь, — неожиданно говорит он. — Аккуратно. Максимка зря тебя недооценивает.

— Он меня вообще не оценивает, — отвечаю я, снова беря в руки секатор. — Для него я просто помеха.

— Ошибаешься, — Степаныч качает головой. — Он на тебя смотрит. Думает, что незаметно, но я вижу. Каждые десять минут оборачивается.

Я поднимаю голову и мельком смотрю в сторону Максима. Он действительно смотрит на меня. Наши взгляды встречаются на секунду, и он быстро отворачивается.

— Видишь? — усмехается Степаныч и уходит.

Я возвращаюсь к работе. Но теперь знаю, что он наблюдает. Это придает мне сил. Или, наоборот, заставляет работать еще упорнее, через боль.

К полудню у меня кружится голова. Руки покрылись волдырями, несмотря на перчатки. Джинсы прилипли к телу от пота. Но участок, который мне дали, почти готов. Больные побеги вырезаны, лоза выглядит чище, здоровее.

Я делаю еще один срез и чувствую, что рука дрогнула. Секатор идет не туда, где я планировала. Я срезаю здоровый, зеленый побег.

— Черт, — шепчу я, глядя на то, что наделала.

— Что за черт?

Голос Максима раздается прямо за моей спиной. Я вздрагиваю и оборачиваюсь. Он стоит в шаге от меня, смотрит на срезанный побег.

— Я... я ошиблась, — говорю я. — Рука дрогнула.

Он подходит ближе. Совсем близко. Я чувствую тепло его тела, запах пота и земли. Мое сердце начинает биться быстрее, и это не от усталости.

— Дай, — говорит он тихо.

Я не понимаю, что он имеет в виду.

— Дай секатор, — повторяет он.

Я протягиваю ему инструмент, но он не берет его. Вместо этого он подходит еще ближе, почти вплотную. Его грудь почти касается моей спины. Я чувствую его дыхание на своей шее.

— Не так, — говорит он хриплым голосом.

Его рука накрывает мою. Большая, горячая, мозолистая. Его пальцы переплетаются с моими на рукоятке секатора. Я перестаю дышать.

— Чувствуешь? — шепчет он мне почти в ухо. — Вот так.

Он направляет мою руку, показывает, как правильно держать инструмент, под каким углом делать срез. Его тело прижимается к моему. Я чувствую каждую мышцу его торса, тепло его кожи через тонкую ткань рубашки.

— Не торопись, — продолжает он, его голос стал еще тише. — Лоза чувствует, когда ты нервничаешь. Дыши ровно.

Но как я могу дышать ровно, когда он так близко? Когда его рука направляет мою, а его голос звучит у самого уха?

— Понятно? — спрашивает он.

Я не могу говорить. Только киваю.

— Хорошо.

Он делает еще один срез нашими сплетенными руками. Четкий, уверенный. Побег падает на землю.

— Вот так, — говорит он. — Чувствуешь разницу?

Я чувствую. Чувствую, как его пальцы сжимают мои. Чувствую, как его бедро касается моего. Чувствую тепло, которое идет от него и заставляет мое тело реагировать так, как оно не должно реагировать.

Это не урок. Это что-то другое. Это игра власти, и правила в ней устанавливает он.

— Ника, — произносит он мое имя так тихо, что это почти не звук, а дыхание.

Я поворачиваю голову, и наши лица оказываются в сантиметрах друг от друга. Его глаза темные, почти черные. В них что-то горит. Что-то опасное.

Секунда. Две. Мир сжимается до размеров этого пространства между нами. До его запаха, его тепла, его взгляда.

А потом он резко отпускает мою руку и отступает.

— Теперь сама, — говорит он, и его голос снова становится равнодушным. — Увидим, чему научилась.

Он разворачивается и уходит, не оглядываясь.

Я остаюсь стоять, глядя ему вслед. Секатор дрожит в моей руке. Сердце колотится так, что, кажется, его слышно на весь виноградник.

Что это было?

Я смотрю на свои руки. Там, где его пальцы касались моих, кожа все еще горит. Тело реагирует на его прикосновение так, будто он не просто показывал мне, как резать виноград. Будто делал что-то гораздо более интимное.

И самое страшное — мне это понравилось.

Понравилось ощущение его силы, его близости. Понравилось, как он направлял мои движения, контролировал, учил. В этот момент я была не успешным менеджером, не независимой женщиной. Я была ученицей. А он — учителем.

Это пугает меня больше, чем любая угроза банкротства или карьерная неудача. Потому что показывает мне ту сторону себя, о которой я не подозревала. Сторону, которая готова подчиниться. Которая хочет подчиниться.

Я делаю глубокий вдох и заставляю себя сосредоточиться на работе. Беру секатор и делаю срез так, как он показал. Четко, уверенно. Получается.

Еще один срез. И еще.

Постепенно дрожь в руках проходит. Но ощущение его прикосновения остается. Как и понимание того, что между нами только что произошло что-то, что изменило все.

Это был урок. Но не про виноград. Это был урок про власть. Про то, кто здесь главный. И про то, что я, к своему ужасу и восторгу одновременно, готова признать его лидерство.

По крайней мере, в том, что касается виноградника.

Я работаю до самого вечера. Руки саднят, спина ноет, но я довожу дело до конца. Когда солнце начинает садиться, я выпрямляюсь и оглядываю сделанное. Участок выглядит совсем по-другому. Чистый, здоровый. Такой, каким должен быть.

Степаныч подходит, оценивающе смотрит на мою работу и одобрительно кивает:

— Неплохо, девка. Неплохо. Для первого раза — очень даже.

— Спасибо, — говорю я и снимаю перчатки.

Под ними мои руки покрыты волдырями и царапинами. Ногти сломаны, кожа красная. Это руки работника, а не офисного клерка.

Странно, но они мне нравятся.

Максим появляется рядом, когда я складываю инструменты в ящик. Он молча смотрит на мою работу, потом на мои руки.

— Завтра начинай в перчатках, которые по размеру, — говорит он. — Эти тебе велики.

— Хорошо.

— И крем от солнца. Обгоришь.

— Хорошо.

Он поворачивается, чтобы уйти, но останавливается.

— Ника.

— Да?

— Сегодня ты работала хорошо.

Это не комплимент. Это констатация факта. Но для меня она значит больше, чем любая похвала начальника в Москве.

— Спасибо.

Он кивает и уходит к дому.

Я остаюсь одна среди рядов виноградника. Солнце садится, окрашивая небо в оранжевые и розовые тона. Воздух становится прохладнее, но земля под ногами все еще хранит дневное тепло.

Я устала. Больше, чем когда-либо в жизни. Но это хорошая усталость. Усталость от настоящего дела, от работы руками, а не только головой.

И еще я думаю о том, что произошло днем. О его руке на моей. О его голосе у моего уха. О том, как мое тело отреагировало на его близость.

Это было неправильно. Я здесь по работе. Я должна оценить этот виноградник и подготовить рекомендации по его продаже. Я не должна думать о том, как пахнет кожа Максима Громова и что означал его взгляд.

Но я думаю. И не могу перестать.

Я иду к дому медленно, останавливаясь, чтобы оглянуться на виноградник. На свой участок, который теперь выглядит по-другому благодаря моей работе.

Впервые в жизни я сделала что-то руками. Что-то настоящее. И это чувство... это чувство невозможно описать словами.

На веранде меня ждет Тамара Петровна с кувшином воды и полотенцем.

— Ну что, милая, — говорит она, разглядывая меня. — Как дела?

— Устала, — честно отвечаю я.

— А довольна?

Я думаю секунду.

— Да. Довольна.

Она улыбается:

— Значит, правильно все делаешь. Иди мойся. Ужин через полчаса.

Я поднимаюсь в свою комнату и сажусь на кровать. В зеркале на меня смотрит незнакомая женщина. Загорелая, растрепанная, уставшая. Но в ее глазах есть что-то новое. Что-то живое.

Я смотрю на свои руки. Мозоли, царапины, грязь под ногтями. В Москве я бы ужаснулась такому виду. Здесь эти руки кажутся мне честными. Они работали. Они создавали что-то полезное.

А еще я помню, как их накрыла его рука. Большая, теплая, уверенная. Как он направлял мои движения, учил, контролировал.

И как мое тело отозвалось на это прикосновение.

Я закрываю глаза и пытаюсь отогнать эти мысли. Но они не уходят. Как не уходит ощущение его близости, его запаха, его голоса у моего уха.

Он отпустил мою руку и отошел, так же молча, как и подошел. Но в этот момент что-то изменилось. Между нами. Во мне.

Я поняла, что этот урок был не про виноград. Он был про власть. Про то, кто здесь главный. И про то, что я, к своему ужасу, готова на секунду эту власть ему отдать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.